

Лощница, или последние успехи "Великой армии" в России.

И.Н. Васильев

В ноябре 1812 г. война близилась к завершению. Ослабленные отступлением, выдержав тяжелейшие бои при г. Красный, остатки Великой армии Наполеона I откатывались к границе. Теперь все надежды французского императора связывались со своими фланговыми корпусами, необходимыми для восстановления боеспособности главных сил и обеспечения прикрытия переправы через р. Березина, серьезной преграды на их пути. В эти дни Наполеон, озабоченный создавшимся положением, неоднократно посылал тревожные депеши Минскому генерал-губернатору М. Брониковскому, командиру 17-й (польской) дивизией Я.Х. Домбровскому, а также командующим 2-м и 9-м армейскими корпусами маршалам Ш.-Н. Удино и К. Виктору. «Теперь не время забавляться маневрами. Ваши войска наша единственная опора; они должны действовать где нужнее, в авангарде и арьергарде, впереди армии, открывая ей дорогу и позади, оберегая ее». 6 (19) ноября начальник Главного штаба маршал А. Бертье предписал Домбровскому сосредоточить свою дивизию в г. Борисов, лежащем на кратчайшем пути отступления, и где находился мост через Березину, приняв меры к обороне предмостного укрепления, а Брониковскому - отходить на соединение с ним. Удино получил приказ отделиться от Виктора и также, как можно скорее, направиться к Борисову, с тем, чтобы, влив в свои ряды польско-литовские войска, составить авангард армии направиться к Минску. Виктору было поручено прикрыть Вильну, с тем, чтобы когда армия достигла бы Минска и расположилась на Березине, он мог бы двинуться к Верхнему Березину, обеспечить Виленскую дорогу и войти в связь с 6-м корпусом генерала Вреде, отступившим в Литву. По свидетельству обер-штабмейстера императора А. де Коленкура, Наполеон, понимая всю остроту момента, заявил ему: «Чичагов несомненно соединится с Тормасовым и они отправят корпус на Березину, или точнее на соединение с армией Кутузова у Березины, который оставляет нас в покое для того, чтобы как я всегда предполагал, опередить меня и атаковать нас, когда он получит это подкрепление. Надо торопиться, мы потеряли много времени после Смоленска, а между тем я также мог бы находиться на Березине, располагая достаточными силами, если бы мои приказы были выполнены. Надо поскорее дойти туда, ибо иначе могут произойти большие события».

Опасения императора не были беспочвенными. Именно здесь по плану Александра I должно было произойти окружение и разгром Великой армии. Согласно замыслу с правого фланга к реке приближался 1-й отдельный корпус генерала П.Х. Витгенштейна, усиленного прибывшим из Финляндии корпусом генерала Ф.Ф. Штенгеля, нанесшим ряд поражений Сен-Сиру и Виктору. С другой стороны, с юга сюда же подходила 3-я Западная армия вице-адмирала П.В. Чича-

гова (образованная путем слияния 3-й армии генерала от кавалерии графа А.П. Тормасова и Дунайской Чичагова), разгромившая войска Брониковского. 9 (21) ноября ее авангард под командованием генерала К.О. Ламберта вышел на рубеж Березины, захватил Борисов и разбил Домбровского, остатки войск которого (300 чел. пехоты и 400 кавалерии) откатились на восток, навстречу главным силам, со своей стороны преследуемым русской Главной армией генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова. Казалось бы ситуация складывалась самым благоприятным образом для российских войск. Однако Витгенштейн не спешил. По замечанию В.И. Харкевича: Операции на северном фланге театра войны начались значительно позднее, и в действиях Витгенштейна и Штенгеля с самого начала представляли довольно существенные отступления от указаний плана императора Александра. С другой стороны, престарелый Кутузов также не хотел рисковать своими лаврами. Таким образом, армия Чичагова (около 31 тыс. чел.) оказалась в непростой ситуации. Позиция при Борисове, впереди Березины была невыгодна, ожидаемого объединения с Витгенштейном не произошло. В то же время, последний извещал, что теснит войска Виктора и Удино через д. Лощница на юг, к Нижнему Березину. О нахождении и состоянии главных сил Наполеона, равно как и Кутузова ничего не было известно. В этой связи адмиралу ничего не оставалось, как дви-

гаться им навстречу, в надежде на соединение с соратниками по операции. Он докладывал императору: «Я произвел рекогносцировку и убедился в невозможности иметь в Борисове укрепленный лагерь, но меня занимал более всего вопрос о соединении с корпусом Витгенштейна». Полученная директива предписывала защищать зембинское дефиле (дорогу через болота в направлении Вильно - И.В.). При этом Кутузов не докладывал Чичагову, где он должен сосредоточить свои главные силы. Лучшим вариантом при этих обстоятельствах было переправить армию на левый берег Березины, чтобы свободно маневрировать и входить в связь с войсками Витгенштейна и Кутузова. Чичагов так и поступил. Впереди продвигался авангард генерал-майора П.П. Палена 2-го, сменившего тяжело раненого при штурме Борисова Ламберта (2800 чел.): Витебский пехотный, 7-й, 13-й, 14-й, 38-й егерские (всего 10 бат.), Арзамасский драгунский полки, 4 эскадрона Александрийского гусарского (всего 8 эск.), роты конной артиллерии 11 и 12.

«Я отдал приказ Палену, - вспоминал адмирал, - идти вперед по дороге к Бобру, занять все дефиле, всеми возможными средствами препятствовать отступлению неприятеля и стараться, в то же время, войти в связь с гр. Витгенштейном». В полночь 11 (23) ноября авангард выступил к д. Лощница (12 км от Борисова). При этом Пален даже не выслал вперед боевого охранения! Об-

Фабер дю Фор. Близ Бобра, 23 ноября. «Здесь мы увидели типичную сцену, которая случалась каждодневно. Раненый офицер и его жена после столь значительных усилий приложенных чтобы добраться как можно дальше только что стали свидетелями смерти лошади, тащившей их сани. Большая часть армии уже прошла, но еще оставалась слабая надежда на помощь арьергарда. Сгустились сумерки, а арьергарда все не было - по появившемуся дыму вдали можно было понять, что корпус, прикрывавший отступление, прошел через деревню, предав её огню. Показались казаки. Сострадание и храбрость горстки солдат слушали слабым утешением несчастной пары, но они теперь остались без транспорта и если арьергард не сжалится над ними, то плен неизбежен. Или это или они погибнут став жертвами убийственного климата».

щее выступление армии было назначено на 10 часов, однако по настоянию части генералитета, оно было отложено и с 11 часов приказано приступить к восстановлению укреплений на правом берегу, сильно пострадавших накануне при штурме. Между тем, совершив половину перехода до Лощницы, Пален организовал привал возле встретившейся ветряной мельницы, удобно расположившись со старшими офицерами у костра. Вперед были высланы квартирьеры и небольшое казачье прикрытие с целью поиска удобного места для будущего лагеря. Казаки захватили в плен офицера, рассмешившего русских заявлением, что он идет в Борисов. В то же время квартирьеры перед Лощницей взяли еще двух пленных, сообщивших, что впереди стоят корпуса Удино и Виктора, и что сам Наполеон находится на один переход позади. Штаб-капитан квартирмейстерской части С.С. Малиновский доложил Палену о полученных сведениях, но тот самым странным образом прореагировал на это. Он послал курьера к Чичагову, но, когда совершенно рассвело, поднял войска с привала и направился на Лощницу. Здесь уже находился маршал Удино со всем своим корпусом, 3-й тяжелой кавалерийской дивизией Ж.П. Думерка и присоединившейся 17-й дивизией Домбровского (которая пополнилась еще некоторым числом людей, спасшихся после разгрома накануне). Всего до 8 тыс. чел., в том числе более 2 тыс. кавалерии и 36 орудий. Извещенный о произошедшем, Удино утром 11 (23) ноября выступил на Борисов. Едва его войска прошли три версты, как разведки доложили о приближении русской колонны. Авангард 2-го корпуса под командованием бригадного генерала Б.П. Кастекса состоял из легких кавалерийских бригад Кастекса (23-й и 24-й конноегерские полки) и Ж.Б. Корбино (7-й и 20-й конноегерские, 8-й легкоконный польский), 2-го и 7-го польских уланских, 4-го кирасирского полков, 2 бат. 26-го легкого, до 20 чел. лигговских стрелков полковника Ю. Косаковского и 6-го польского пехотного полка, в 3-х бат. которого оставалось 558 чел. (всего 2500 чел. пехоты, 1100 кавалерии и 12 орудий). Будучи предупрежденным, Кастекс занял пехотой позицию в небольшом перелеске, неподалеку от опушки леса, окружавшего дорогу на Лощницу, по которой должен был показаться отряд Палена, позади находилась кавалерия. Выйдя из леса голова русской колонны попала под сосредоточенный огонь. Егеря вместе с казаками вступили в перестрелку, но вскоре были опрокинуты огнем выступивших из леса и развернувшихся французских орудий, а также польскими уланами. Кавалерия Кастекса перешла в наступление, и выдвинутые вперед русские орудия, едва успев сделать несколько выстрелов, были сбиты с позиции и отступили. Отряд Палена оказался зажат в лесу и понес большие потери. Людвиг Станецкий вспоминал: «Наша кавалерия потеряла много от картечного и ружейного огня. Однако никакая сила не могла остановить ее». Эскадрон Александрийских гусаров под командованием штабс-ротмистра Гельфрейха попытался хоть как-то восстановить положение и бросился на кавалерию противника, но был смят, а те храбре-

цы, которым удалось врываться в ряды неприятеля, были изрублены или взяты в плен. Гусары насчитывали в этот день 28 офицеров и 583 нижних чина. Из них, по полковому месячному рапорту, убиты унтер-офицер Афанасий Пустовойт, 6 рядовых и 30 лошадей, захвачены 1 унтер-офицер, 1 вахмистр, 37 рядовых и 21 лошадь. Впрочем, эти цифры не могут быть признаны абсолютно точными. Из всех поименно названных убитых и пленных, двое рядовых (Гаврилюк и Шевченко), указанные среди погибших, оказались среди пленных, позднее бежали и присоединились к полку. Всего же в течении декабря сумели бежать и возвратиться в строй унтер-офицер Герасим Соколинский, вахмистр Роман Гарбуз и 14 рядовых.

Русские егеря выстроились на дороге в каре и встретили конницу огнем, но так же были опрокинуты. Схватку 8-го легкоконного описал офицер бригады Корбино Друйон де Болье: «Один капитан 8-го полка упал, пронзенный пулей. Был он любим своими солдатами. Они подняли его безжизненное тело и начали издавать возгласы скорби. Но скоро ярость овладела ими. Сомкнули ряды, бросились как львы на русский батальон, откуда прозвучал смертельный выстрел, проломил его и разрезали на части». Однако, по справочнику А. Мартиньена, в этом полку из капитанов фигурирует только раненый Гроту (Grothus). Всего, по заявлению польских историков польские кавалеристы разбили два каре егерей и некий полк лигговских уланов, называемый также Конно-Польским, свежий и не участвовавший еще в боях (здесь речь может идти только о Волынском уланском полке, присланном очевидно позднее в подкрепление Палену уже перед Борисовым), в ходе боя захвачено несколько сот пленных. Не менее результативно действовал и 4-й кирасирский полк. По свидетельству командира 23-го конноегерского М. Марбо (свидетельствам которого не всегда следует доверять полностью), кирасиры, мало участвовавшие в ходе кампании в боевых действиях, просили чести быть в первой линии. Он был поражен их прекрасным видом, лучи солнца отражались от их кирас (заметим, что ряд очевидцев пишут о падающем в этот день хлопьями снеге). Бросившись вперед и яростно сражаясь, они, якобы, захватили 1000 пленных. У очевидца с русской стороны в памяти отложился совсем иной вид этих всадников. Майор 7-го егерского полка Я.О. Отрощенко пишет: «Их кавалерия шла густою колонной. Мы встретили ее сильным огнем и нанесли ей смерть. Но она, презирая опасность, бросилась по дороге густыми непрерывными колоннами. Мы с близкой дистанции били любого кавалериста. Но они не обращали внимания, шли можно сказать стеной. Они все были закоптевшие. Латы заржавленные, хвосты на шпиках обгоревшие, одежда порванная. Некоторые имели на себе салоны и разные лохмотья». Разбитые егеря и пехотинцы заняли лес с левой стороны от дороги, открыв огонь по следовавшей по ней колонне Кастекса, энергично преследовавшей артиллерию и кавалерию Палена. При этом особенно отличились 2-й и 7-й уланские полки (всего 430 чел.) под командованием шефа эскадрона М.

Косецкого, мстившие за свое недавнее поражение. За ними следовали 8-й легкоконный, 23-й и 24-й конноегерские полки. Замыкал колонну имевший плохих лошадей 4-й кирасирский. Против егерей обратились стрелки Косаковского, 6-й польский, 26-й легкий полки и спешенные конноегеря 7-го и 20-го. После того, как у русских солдат закончились патроны, они, будучи отрезанными от Борисова, начали отдельными группами прорываться вправо, в сторону мызы Старый Борисов. Тем временем к полю боя подоспела и пехота Удино. Обер-лейтенант 1-го швейцарского полка Т. Леглер пишет, что за 2 часа пути от Борисова они услышали перестрелку и редкие орудийные выстрелы. По команде: «Марш! Марш!» пехота бегом бросилась на их звуки. Мимо промчалась легкая кавалерия. Через четверть часа на равнине их остановили. Перед нами на земле лежало 600 пленных русских, из которых многие были ранены, а местами они видели убитых. По его свидетельству, среди пленных было мало офицеров (отметим, что полки авангарда понесли весьма значительную убыль среди офицерского состава при штурме Борисова). Один из них, капитан, говоривший по-французски, признался, что уже во второй раз попадает в плен к ним. Между тем, как пишет Харкевич: «Донесение, привезенное адъютантом Палена о встрече с неприятелем, заставило Чичагова однако опасаться, что он будет вынужден очистить левый берег Березины. В этом соображении он сделал распоряжение о подготовке моста к уничтожению и об усилении позиции на правом берегу против города». Но адмирал вовсе не подозревал, что опасность была уже близка. Он признал лишним усилить авангард посылкой подкрепления. Войска и обозы, занимавшие город, по прежнему были оставлены на левом берегу Березины, и было приказано варить обед. Следует особо отметить, что Борисов был буквально наводнен армейскими и генеральскими обозами и транспортом главной квартиры. В этой связи интересна полемика между командующим корпусом 3-й Западной армии генералом А.Ф. Ланжероном, прибывшим в Борисов сразу после его занятия и принявшего в нем командование и Чичаговым по вопросу, кто виновен в столь опрометчивом поступке. «Ланжерон, - вспоминал адмирал, - найдя гораздо покойнее ночевать в городе, и не дожидаясь моих приказаний, вступил в Борисов с частью своих войск и огромным обозом. Я сейчас же велел выехать обозу, но приказание мое исполнялось медленно, потому что многие находили удобным иметь с собою свои экипажи; так что на другой день я вынужден был подтвердить этот приказ». Ланжерон в свою очередь обвиняет самого адмирала, что, учитывая его прибытие в город только вечером 10 (21), довольно спорно. По словам Ланжерона, Чичагов не любил биваки, поэтому поспешил занять лучший дом, позволив это и другим генералам. По признанию Ланжерона, он так же имел слабость сделать это (заметим, гораздо ранее адмирала). Затем туда вступили главная квартира, канцелярия главного штаба, лазареты, походная церковь и все обозы, запрудившие улицы вплоть до аванпостов на дороге, по которой

Мост через р. Березина в Борисове.

можно было ожидать появления противника, и где находилась лишь цепь казаков. В 1-м часу дня Чичагов получил новое донесение от Палена о беспорядочном отступлении и преследовании его со стороны французов. Перед ним возникла проблема выбора: либо перевести все войска на левый берег и встретить противника впереди Борисова, либо отойти на правый. Не зная, какие силы противостоят ему, в то время как в тылу находилась река с единственным мостом, что в случае неудачного сражения привело бы армию к катастрофе, он остановился на последнем. Около 1 часа дня вблизи города слышалась довольно оживленная стрельба, что вызвало суматоху и панику, которую адмирал попытался пресечь. Он приказал выдвинуть несколько орудий на высоты, чтобы позволить авангарду отступить в порядке, приостановить противника и дать время для эвакуации обозов. На мосту творилось невообразимое. Обозники, интенданты, солдаты и офицеры, перемещавшись, создали ужасную давку. Обозные и маркитантские повозки безжалостно сбрасывались в еще не замершую реку, по которой плавали льдины. Сам Чичагов, многие из генералов и штабы с трудом переправились через него. Чтобы дать время артиллерии и обозам перейти через реку, оборона города была возложена на 18-ю пехотную дивизию генерала А.Г. Щербатова, которому адмирал предложил перевести в подкрепление еще несколько полков из-за реки. Однако тот отказался, так как в такой сумятице это было невозможно сделать. Напротив, Щербатов сам попросил отправить на другой берег часть полков находившихся в переполненном городе. Для выяснения обстановки к авангарду были направлены генерал-лейтенант А.И. Воинов и генерал-майор К.И. Орурк. Он вспоминал: «На дороге встретилась нам конная артиллерия, идущая на рысях. Я велел идти им шагом, чтобы не испугать наши войска». После этого Воинов возвратился в город, а Орурк

направился вперед, встретив кавалерийские регулярные полки, выстроенные по дороге на полянке в лесу. «Спрашивал их, где авангардный начальник, они мне говорили, что впереди с казаками». Генерал посоветовал полковнику И.А. Аргамакову (шефу Житомирского драгунского полка), если получит приказ от Палена к отступлению, отходить в порядке, а не бежать, полковнику же А.А. Ефимовичу, командиру Александрийского гусарского прикрыть отступление, уверяя что ему помогут егерские полки авангарда. Тот однако доложил, что егеря взяты в плен и сдержать продвижение противника уже невозможно. После того как пуля французского стрелка ранила лошадь генерала, он вернулся в Борисов, едва достигнув которого его нагнала беспорядочно отступавшая кавалерия. Остановив часть ее, Орурк сумел собрать 200 драгунов с Аргамаковым и до 60 гусаров с подполковником В.И. Мадатовым попытавшись сдержать наступление, но был опрокинут (хотя сам он уверяет, что стоял с ними до самого вечера). Город Борисов занимал генерал Щербатов, но он, не дождавшись вечера, отправился со своими гренадерами через мост. В свою очередь Щербатов пишет, что сделав все необходимые распоряжения, он поскакал на угрожаемый пункт и только занялся размещением войск и артиллерии, как представилась из-за леса, находившегося у самого города, расстроенная толпа - смесь пехоты, конницы и артиллерии, бегущей в беспорядке от неприятеля, преследовавшего ее по пятам. Шел второй час дня. На окраине города на мельничной плотине р. Сха, Щербатов приказал установить батарею, но не успел он расставить свои полки, как бегущие войска Палена, даже и пушки, стали переходить речку вброд, тем самым указав путь и французам. После этого защита позиции потеряла всякий смысл и он отвел войска в город, а затем за реку. Старший вахмистр Калоссо так вспоминал о действиях своего полка: 24-й конноегерский

полк, изрубив несколько драгунских эскадронов, при помощи легкой батареи, которая следовала за нашими быстрыми движениями, напал на пеший финляндский (de Finlande) стрелковый полк, защищавший подступы к городу, окружил его, и без особых потерь взял его почти целиком в плен. «Я жалею, что не запомнил имени бестрашного командира батареи 4-го артиллерийского конного полка, который рубился с нами, несмотря на свою деревянную ногу, в то время как его артиллеристы расстреливали неприятельскую колонну, находившуюся вправо от нас и искавшую убежище в городе». Часть конных егерей, спешившись, засела в первых захваченных домах, ведя перестрелку с русскими. Парадоксально, но факт, что загроможденные обозами улицы в определенной степени оказали услугу русской армии. Подходящая к городу кавалерия Кастекса долгое время не могла пробиться через это скопление повозок, между которыми пробирались в поисках спасения русские солдаты. Терялось драгоценное время. Когда же французы достигли центра Борисова, возникло новое затруднение - не было известно в каком направлении находится столь необходимый им мост. К Марбо привели местного еврея, но он не понимал (или не хотел понимать) немецкого языка и не мог дать нужных сведений. Наконец несколько взводов достигли переправы. На берегу было видно много спасавшихся, но впереди был мост, находившийся под защитой артиллерии и генерала Воинова, присланного с четырьмя батальонами, в то время как пехота 2-го корпуса оставалась еще позади, на подступах к городу. В этих условиях Кастекс приказал спешить две трети конных егерей, имевших мушкетеры, и повел их к мосту, составив из них небольшой батальон. Лошади остались на соседних улицах под охраной нескольких человек. Марбо мог оказать поддержку лишь несколькими стрелками, размещенными в ближайших к мосту домах. Не имевшие

штыков конные егеря попытались перейти мост, но были встречены картечью, которая мгновенно внесла расстройство в ряды батальона. В это же время группа русских саперов с факелами попыталась поджечь переправу. Их появление вынудило замолчать орудия. Тогда французы вновь устремились вперед и потушили едва начавшийся пожар, уничтожив или сбросив в реку большую часть поджигателей. Однако в этот момент шагом атаки подошел, как пишут французы, батальон гренадеров, ударивший в штыки и опрокинувший противника. Генерал-майор Орурк пишет об этом эпизоде так: «Послал я генералу Воинову дежурного своего штаб-офицера Храповицкого просить, чтобы прислал один пехотный полк, с которым и удержу Борисов до невозможности. Полк не дошел до половины моста и шарахнулся назад. Храбрый мой дежурный штаб-офицер остановил их и пошел с ними вперед, но они вторично повернулись и ушли». Это был Апшеронский пехотный полк. Тем временем мост был вторично подожжен факелами и превратился в огромный костер. Маршал Удино прибыл в уже захваченный город. После того как ближайшая к Борисову часть моста была сожжена, продвижение французов было остановлено, и все стихло. Возле переправы с французской стороны позицию заняли солдаты 11-го легкого полка. 3-я Западная армия разбила биваки в открытом поле на правом берегу. Для Чичагова и генералитета были отрыты землянки. Отрезанные на левом берегу солдаты Палена пробирались к своим до полудня следующего дня. Всего сумели вернуться до 600 егерей, три эскадрона гусаров и какое-то количество кавалеристов из различных полков. Например, майор Отрощенко с частью своего батальона через лес и болота вышел к Борисову. Встретив на пути р. Сху, егеря связали офицерскими шарфами жерди из-под стогов в несколько слоев и по ним на четвереньках пе-

Вице-адмирал П.В. Чичагов (1765-1849).

ребрались на другой берег. Встреченные два драгуна сообщили, что город уже в руках французов. Тогда Отрощенко наугад повел свою группу вверх по течению Березины,

обнаружив в лесу еще много солдат из разных полков. В деревне Студянка (16 км от Борисова) они на рассвете 12 (24) совершили переправу: кто в брод, кто на небольшой, часто переворачивавшейся лодке. Подобным образом поступали и другие отрезанные части. Так, шеф Ольвиопольского гусарского полка генерал-майор Н.В. Дехтерев докладывал, что после уничтожения моста его полк переправился вплавь, вывезя на крупах лошадей еще и батальон егерей, после чего 30 лошадей в полку оказалось непригодными к службе. Согласно Ланжерону и Харкевичу потери отряда Палена достигали 1000 чел. Чичагов в своих записках пишет об убыли авангарда в 600 чел. и большей части обоза. В плен попали почти все находившиеся в городе раненые и больные. Ж. Шамбре сообщает о 800 русских пленных, Ф.-П. Сегюр о 900 и 1500 экипажах. В «Memoire sur les operation de la 17-e division» говорится о более 1000 пленных, захваченных в ходе действий польской кавалерии. Кроме того были освобождены все взятые в плен ранее солдаты Домбровского. М. Кукель и Р. Белецкий оценили русские потери более чем в 2 тысячи, из них половину пленными, А. Тьер - в 500-600 пленных, столько же убитых и раненых, несколько сот повозок. Марбо пишет, что 1500 повозок и телег были захвачены и по законам войны переданы Кастексом 23-му и 24-му полкам (Калосо например наскочил на брошенный фургон какого-то генерала и разрешил солдатам разграбить его, взяв провизии себе и поделившись с офицерами эскадрона). Согласно 29-му бюллетеню Великой армии было захвачено 6 орудий (на самом деле очевидно ни одного), 2 тыс. пленных, 500 повозок со снаряжением. Генерал Беркхайм с 4-м кирасирским полком отличился в превосходно проведенной атаке. Неприятель смог спастись только предав огню мост длиной более 300 туазов (1 туаз = 1,95 м - И.В.). Противнику достались походная церковь и инженерная канцелярия с картами и планами завершившейся войны с Турцией. Был захвачен даже личный обоз самого Чичагова, его серебряный столовый сервиз, вещи и портфель с документами. Ланжерон, уверяющий, что предвидел подобное развитие событий и державший запряженными лошадей своих двух фургонов и коляски, потерял один из них, с провизией (быть может именно он достался солдатам Калосо), в связи с чем он и его адъютанты буквально умирали от голода в течении недели. К счастью был спасен другой, с его канцелярией и большой суммой серебром на винные порции солдат корпуса, хотя и изрешеченный, как и коляска, пулями. Согласно Белецкому, дивизия Палена оказалась практически непригодна для использования в ближайшие дни. Сам генерал, якобы, был ранен пикой польского улана, хотя это никоим образом не отражено в русских источниках. Французская сторона, благодаря стремительности своей атаки, понесла гораздо меньшие потери. Во 2-м и 7-м польских уланских полках убито 4 офицера, нижних чинов убито и ранено менее 160 чел. Несколько человек потерял 8-й легкоконный, 16 человек

лишились стрелки полковника Ю. Косаковского, сам он также был ранен. С учетом французских частей потери Удино очевидно достигали 300 чел., что вполне сопоставимо с

Маршал Удино, герцог Реджио (1767-1847).

потерями среди офицеров. Согласно А. Мартиньену убиты лейтенант 26-го легкого Кайе (Caillouet), капитан 19-го линейного Дево, в 24-м конноегерском убит младший лейтенант Брар, ранены капитан Лэн, лейтенант Макари, младший лейтенант Л'Эрмитт, в 8-м легкоконном ранены капитан Гроту и младший лейтенант Менар. Главные силы 2-го корпуса Удино вступили в Борисов вечером 11 (23). Заняв город маршал тем не менее понял, что, несмотря на одержанный успех, победа оказалась далеко не полной. Ему не удалось захватить мост и плацдарм на правом берегу, который по прежнему продолжала контролировать армия Чичагова, преграждая путь к отступлению Великой армии. Кроме того, Удино прекрасно понимал, что вполне вероятным было и прибытие к Березине войск Витгенштейна, что еще более уменьшало шансы на успех французов. Тем более, что передвижения по левому берегу отрезанных войск Палена и фуражиров было принято за появление передовых частей Витгенштейна, в связи с чем маршал был вынужден соблюдать осторожность в своих маневрах. Тем не менее, благодаря дезинформации, ошибкам русского командования, гению и военному искусству императора Наполеона и, не в последнюю очередь, подвигу французских саперов и понтонеров, Великой армии удалось форсировать Березину, на берегах которой 16 (28) ноября завязалось упорнейшее двойное сражение, одна из ярчайших страниц Отечественной войны 1812 г. И хотя солдаты императора проявили потрясающие героизм и упорство, его армии был нанесен такой удар, от которого она не могла уже оправиться и в беспорядке откатилась к Вильно и далее за Неман. Война окончилась за полным истреблением неприятеля.

